

ОЛЬГА
МИТРОФАНОВА

КРАСНАЯ КНОПКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Митрофанова

Красная кнопка

«Автор»

2022

Митрофанова О.

Красная кнопка / О. Митрофанова — «Автор», 2022

Она его одержимость, его наваждение, его страсть или его проклятье? Иногда он готов ее растерзать от злости, в другой момент - залюбить до распада на атомы. Содержит нецензурную брань.

© Митрофанова О., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ольга Митрофанова

Красная кнопка

Глава

1

– Макс, расскажи ещё что-нибудь, – попросил Виталий Кузин, по кличке и позывному Кузя, плюхаясь на мягкую зелёную травку, которой был покрыт склон.

Они отмотали маршем в это тихое горное местечко порядка пятидесяти километров, не считая того, что сначала их везли на бронетранспортерах. Вот такой у них веселый выход в "поля", как называют отцы – командиры. Из связи здесь была только рация, высота около двух тысяч километров над уровнем моря, поэтому развлекать себя было особо нечем. Стрельбы начнутся только завтра, а пока было велено разбить лагерь и отдыхать, что собственно они и делали.

– Я тебе Шахеризада что ли? – отшутился Макс.

– Не, ты как Даниэла Стил, – рассмеялся в ответ Кузя.

– Это еще кто такая? – уточнил Макс.

– Это писательница зарубежная, романы про любовь пишет, у меня ими тетка зачитывается.

– Иди ты, – отмахнулся от него Макс.

– Ну Ящер, ну расскажи, будь ты человеком, может и про тебя роман когда-нибудь сочинят.

– С твоих слов что ли? – ухмыльнулся Макс, – так ты перевернешь все.

– С чего это? – обиделся слегка Кузя.

– Да ты в уставе и то слова местами меняешь.

– Так-то устав, это не интересно.

– А мои истории тебе значит интересно.

– Конечно, когда еще из первых рук узнаешь, как мелкая рыжая девчонка скрутила в бараний рог здорового бугая.

Макс сорвал травинку, закинул в рот, начал гонять языком из стороны в сторону, Кузя его не торопил, понимая, что тому надо настроиться. Непросто здоровому крепкому парню изливать то, что так долго копилось на душе. Слишком большая рана, слишком сильные переживания. Но для Макса рассказ про историю его сумасшедшей тяги к его рыжей кнопке – своего рода лечебная терапия, позволяющая еще раз переварить и переосмыслить свои чувства. Это ему местный психолог советовал, когда они только тестовый отбор проходили, слишком закрытым им показался Максим Ящеров, накопившим в себе большое эмоциональное напряжение. Боялись, что оно накопится настолько, что выплеснется через край в нежелательном месте, а у них оружие, поэтому лучше такого не допускать, вот и рекомендовали беседовать с кем-нибудь. Под кем-нибудь психолог – молодая симпатичная девушка явно имела в виду себя, но Ящеров такого подарка не оценил, и, обсуждая свои результаты тестирования с Кузьминым Виталием, с которым как – то сдружился с первого дня, рассказал про рекомендации, и что связаны они напрямую с той причиной, по которой он оказался здесь. Так Кузя впервые услышал про кнопку.

Теперь при каждой свободной минуте, которых было в их распорядке дня не так много, приставал к Максусу с расспросами.

Макс, чаще всего отбрыкивался, но иногда, в такие минуты, как эта, лежа на зеленом склоне горы, смотрел на чистое голубое небо и вспоминал ее глаза, горящие, как камушки в маминых сережках.

Первое сентября, не очень получился праздник. В принципе все было неплохо, папа, мама, младшая сестра, бабушка, в руках шикарный букет белых кустовых роз. Дед не прилетел, но позвонил, поздравил с поступлением в первый класс, велел авторитет зарабатывать с первых дней.

Школа была самая обычная, ни гимназия или лицей, типовая средняя общеобразовательная школа, директор этой школы – старший брат бабушки, так что связи в высших эшелонах школьной власти у него имелись.

Все пришли нарядными, девчонки, как водится с большими белыми бантами, в гольфиках и юбочках, их поставили в первый ряд. Мальчишек, поскольку они выше ростом поставили во второй.

Максу не повезло особенно, он был очень высокого роста и его поставили практически в третий ряд, где стояли родители. Тем не менее, он не унывал, по крайней мере, до тех пор, пока мелкая рыжая девчонка, которую одиннадцатиклассник должен был нести на плече, чтобы она звонила в колокольчик, не ломанулась к своей родительнице, чтобы отдать той свой букет цветов, состоящий из противнопахнущих лилий. Этим букетом она вмазала прямо по кипельно-белой рубашке Макса. На рубашке осталось пятно от пыльцы, которое он тут же попробовал смахнуть, но пыльца только сильнее размазалась, образуя безобразное оранжевое пятно.

И ладно бы только пятно, но девчушка ещё и умудрилась наступить своими башмаками на его ботинок, только утром начищенный до блеска, отчего на нем остался пыльный след.

Макс попытался это стойко стерпеть, потому что отец с детства учил женский пол уважать, но когда мелкое рыжее недоразумение попыталось его отпихнуть, чтобы пролезть к своей матери, он не выдержал и сделал ей замечание:

– Аккуратней можно, я здесь стою, – произнес назидательным тоном.

Девчонка, несмотря на свой мелкий рост, смерила его высокомерным взглядом голубых глаз.

Глаза, цвета неба, странно, обычно у тех, кто обладает рыжими волосами глаза зелёные, и безобразные веснушки по всему лицу и телу. У нее веснушек не было, а глаза были, красивые, голубущие. Кроме глаз, на которых Макс залип, был ещё и рот, которым девчонка дерзко произнесла:

– А чего ты на дороге растопырился, видишь, мне звонить надо.

Макс такого не ожидал, слова сразу не нашлись и он, действуя под влиянием момента, выхватил из рук девчонки противные лилии, бросил на пол и растоптал. Девчонка, вопреки ожиданиям не расплакалась, а покраснела, как показалась Макс от макушки до самых кончиков пальцев, голубые глаза засияли как два драгоценных камушка в маминых сережках. Сжав маленькие кулачки, мелкая пигалица кинулась на него в драку. Рост ее не позволял дотянуться до лица и поэтому удары приходились в основном на грудь.

Макс с отцом занимались дома спортом, и телосложения он был не хилого, поэтому удары никакого ущерба ему не нанесли, только если по самолюбию. Хотя и по самолюбию удара не было, а глаза были, красивые, светящиеся.

Пока они выясняли отношения, произошла заминка со звонком, все ждали девочку, а ей было не до того, участвовала в потасовке с Максом. Таким образом, на них обратила внимание вся школа. Родители их действовали оперативно, растащили в разные стороны. Макса заставили извиняться, хотя он себя виноватым не чувствовал. Тем не менее, сухое:

– Извини, – из себя выдавить смог.

Девчонка снова сверкнула глазами в его сторону и отправилась давать долгожданный звонок.

Дома отец взялся проводить с Максом воспитательную беседу, увещевая, что девочек обижать не хорошо. Макс не оправдывался, этому отец научил его ещё раньше, поэтому слушал все увещевания молча.

Таких бесед за время учёбы в начальной школе было бессчётное количество раз, и школа, запомнившая их ещё в первый учебный день, нередко наблюдала баталии высокого крепкого парня и маленькой рыжей девчонки. Маленькой и острой на язык, за что и получившей прозвище кнопка.

Глава 2

– Сын, один раз, я тебя прошу, это всего один раз, ну ради меня, – упрашивала мама.

Она могла бы и не распинаться так, Максим ее любил очень, мама была самая лучшая у них, поэтому для нее он бы сделал все. Но Мария Игоревна чувствовала свою вину, что в борьбе с мужем за право выбора использует сына, вот и расшаркивалась.

– Я тебе обещаю, мы тебе самую крутую форму для борьбы купим.

Макс вздохнул, смиряясь со своей судьбой, и не по-детски мудро произнес:

– Мам, нормально все, не надо ничего, я потерплю, – покорно согласился.

Мама ненадолго замолчала, шагая от дома к машине, за руку его брать не стала, ей хотелось, конечно, но они договорились, что он мальчик уже большой и ходить с мамой за ручку как – то не солидно. Вон, Кристинку, младшую сестру можно водить за руку сколько угодно, хоть до пенсии, с ее лёгкой избалованностью и детской непосредственностью это вполне может случиться.

Они уселись в машину, мама за руль, а Макс забрался на переднее пассажирское сиденье, там специально было закреплено кресло, хотя с его ростом, через года два, он в него перестанет помещаться, можно будет ездить так.

Ехали некоторое время молча, потом мама не выдержала:

– Сын, я вас люблю очень, но и работу свою тоже люблю, я семь лет училась. Мне нравится людям жизнь спасать, а не бабушек в поликлинике на приеме выслушивать, про болячки, половина из которых выдуманные. Я понимаю, что может, не справедлива сейчас по отношению к тебе и не права, но по – другому наш папа не поймет.

Так они доехали до большого спортивного комплекса. Всю дорогу Макс стойко держался, единственный раз, когда он поморщился, это в раздевалке, где пришлось натягивать на себя узкие брючки и ярко-розовую рубашку, впереди с сеточкой и расшитую какой-то золотой нитью. Мама с ним в раздевалку не пошла, поэтому он и позволил себе проявить эмоцию.

Преподавали балльные танцы, куда мама его привела в секцию, ради показательного выступления, чтобы проучить отца, мужчина и женщина, какие-то там призы, не то чемпионата Европы или мира, Максиму это было безразлично. Выдержать бы сегодняшнюю экзекуцию.

Максиму преподаватели обрадовались как родному, мальчиков в балльных танцах катастрофически не хватало, а с его фактурой, так вообще были единицы.

– Мария Игоревна, как замечательно, что вы решили отдать сына в балльные танцы, у него такая фигура мужественная, если и пластичность есть, то он будет звездой на паркете, – распинался преподаватель – мужчина.

Рано радуется, думал про себя Макс, как только отец перестанет выступать по поводу маминих дежурств в больнице, их отсюда ветром сдует.

– У нас как раз и девочка есть, без пары, с ней пока никто не станцевался она у нас недавно, я думаю, ваш мальчик ей подойдёт, она маленькая, а он высокий, такие поддержки смогут сделать, – воодушевленно закатил глаза преподаватель, – а вот и Элочка, проходи милая, знакомься, это Максим, он будет твоим партнёром.

– Только не ты, – одновременно подумали Элька и Максим, вслух, однако этого не сказали, но злобные взгляды друг другу послали.

С памятного дня первого сентября, когда между ними произошла первая потасовка, прошло две недели. За это время Максим Ящеров и Элина Фролова практически не сталкивались, ее из – за маленького роста посадили на первый ряд, а Макс, как самый высокий в классе сидел на последнем. Первые школьные дни были заполнены знакомством с одноклассниками, Макс знакомился с мальчишками, как было велено делом, зарабатывал среди них авторитет, а Элька сдружилась с тихой девчонкой Полиной Лебедевой.

И вот теперь на тебе, угораздило же столкнуться именно здесь. Макс, понимая, что в зале мама не только его, но и этой противной злючки, пристально за ними наблюдают, решил пойти на мировую. Улыбнулся девчонке, показывая, что настроен дружелюбно.

Девчонка ответной улыбкой не проявила, только сверкнула своими глазницами.

Преподаватели хлопнули в ладоши, обозначая начало занятия и предложили парам встать в позицию.

Хоть бы разминку какую провели, думал про себя Макс, сейчас заставят крутиться, а у них мышцы совсем не разогреты, так можно и травму получить. Про мышцы ему отец рассказывал, они тренировались в домашнем спортзале ежедневно, и разминка являлась элементом обязательным.

Пока он витал в своих мыслях, девчонка шагнула к нему навстречу и положила одну руку на плечо, а второй взялась за его ладонь, приподнимая ее вверх. Макс от такого прикосновения, опешил, хотел отдернуть руку, но глянув в ее глаза, где таился какой-то затаенный страх, делать этого не стал, снова только улыбнулся.

– Мамамочка, это только от большой любви к тебе, я стою тут и улыбаюсь как дурачок в розовой рубашечке, – именно с этим посылом он пристально посмотрел на мать, сидящую в конце зала.

Та видимо его посыл уловила, потому что сложила руки в молитвенном жесте и губами беззвучно произнесла: "Пожалуйста".

Макс ей в ответ кивнул и сосредоточил все внимание на указаниях преподавателей, и своей маленькой рыжей партнёрше.

Элька в руках ощущалась такой маленькой и хрупкой, что он мог бы ей все ребра посчитать, а талию так и вообще пальцами обхватить, такую и нагнуть страшно, вдруг переломится.

Преподаватели стали считать, заставляя пары синхронно двигаться под счёт. Макс так боялся наступить Эльке на ногу и раздавить ее крошечную ножку своей лапцей, что в счёт попадал не всегда, поэтому они регулярно сбивались. Эльку это злило, она покраснела и запыхтела как ёжик.

Максим старался сдерживаться, но она так смешно пыхтела, и ещё один рыжий локон выбился из строгого пучка на ее голове, падая на лицо, поэтому ей приходилось периодически его сдувать, вместе с ее сосредоточенным пыхтением это смотрелось комично. В итоге Макс не выдержал и тихонько засмеялся.

Для Эльки этот смех стал триггером, после которого ее понесло. После произошедшей потасовки первого сентября, она его побаивалась, он такой большой и сильный, одним движением ее в землю вбить сможет, как богатырь в мультиках, поэтому старалась его избегать и лишний раз в противостояние не вступать. Но своим этим смехом он ее довел. Мало того, что в такт не попадает и ноги у него обе левые, так ещё и ржёт, аки конь богатырский.

– Хватит ржать, – произнесла грубо, – считать бы лучше научился.

Макс от нее приятностей не ожидал, но и такая откровенная грубость его слегка обескуражила.

– Пялится ещё, – сдувая в очередной раз локон с лица проворчала Элька.

Максим остановился, Элька соответственно тоже прекратила движение.

– Нашлась тоже балерина, – выплюнул язвительно Макс.

– Зато не как ты, бревно негибкое, – не осталась в долгу Элька, – припёрся на танцы, а сам в ногах путается, как кляча старая.

Такого Макс стерпеть уже не смог, ударить девочку было для него непозволительно, поэтому сделал то, чего даже сам от себя не ожидал, дёрнул ее за тугую шишку на голове. В руках у него осталась сеточка – резиночка, а рыжие, слегка выющиеся волосы девчонки тяжёлым каскадом рассыпались по плечам.

Элька смахнула волосы, упавшие на лицо, и покраснев ещё больше, сжала маленькие ручки в кулачки.

Разъярённая фурия набросилась на Макса, выкрикивая оскорбления:

– Каланча, балбес, ящерица поганая, – произносила, не переставая молотить кулаками, стараясь достать до лица.

Макс стойко терпел эту атаку, удерживая ее за талию. Оттащить Эльку попытался преподаватель, но девчонка остановиться никак не могла и молотила кулачками уже преподавателя. Остановил ее только громкий крик матери:

– Элина, прекрати немедленно.

Только тогда она перестала брыкаться и успокоилась, тем не менее, руки педагога оцарапать ей удалось.

То, что для Макса в танцевальную школу путь заказан он не расстроился, все равно добиться своего им с матерью удалось, на выходе из спорткомплекса их встречал отец. Вид у него был недовольный, но вину свою он полностью признал:

– Машунь, – винился перед женой, – я понял, что нужно давать человеку право выбора. Но может хотя бы не ночные смены?

– Ящеров, ты хочешь, чтобы ребенок продолжал ходить на эти дурацкие танцульки в розовой рубашечке? – вспылила Мария Игоревна.

– Ладно, – пошел на мировую Павел, – дежурь как хочешь, – поедем костюм для борьбы покупать? – посмотрел в зеркало заднего вида на Макса.

– Не надо, – сказал Максим.

– Это почему? Понравилось паркет полировать чешками?

– Дед уже форму купил, завтра доставят, – буркнул Макс.

– Сын, ну не обижайся, – произнесла мама, обернувшись к нему с переднего сиденья, – девочку вон вообще исключили, – кивнула на крыльцо здания, откуда выходила Элька за руку с матерью.

Максим посмотрел в боковое окно и встретился с заплаканными голубыми глазами. Элька о танцах мечтала с четырех лет, с ее данными – маленьким ростом и гибкой фигуркой ей прочили неплохое будущее в танцах или гимнастике и вот, из-за этого недотепы выгнали в первую же неделю.

Обида в душе девочки разрасталась как снежный ком. Ну, погоди, будут тебе танцы, гляди чешки не сотри, злобно думала про себя.

– Элька потом в гимнастику пошла, секция была при школе, неплохая, выступала на соревнованиях городских. Я даже болеть ходил, – произнес задумчиво Макс, – она, когда особенно меня из терпения вывести хотела, припоминала это танцевальное фиаско. Я с тех пор не танцую, даже на дискотеках, – произнес с улыбкой Макс, поворачиваясь в сторону Кузи.

Тот преспокойно дрых, улегшись на бок и положив под голову руку с беретом.

– Летописец блин, – хохотнул Макс, выкидывая травинку. Снял берет, положил под голову и улёгся на мягкий зелёный склон. Пока выдалась свободная минутка надо покомарить, а то с отцов – командиров станется, и устроят ночной кросс, а спать на ходу не очень удобно.

Глава 3

– Макс, а кто у тебя батя, что на контракт сразу пропихнули? – поинтересовался Кузя.
– Юрист, фирма у него своя юридическая, – коротко ответил Максим.
– Че, вот прям такой простой владелец юридической фирмы в заштатном городке смог договориться, чтобы сын попал на контракт, да ещё и в спецназ? – недоверчиво переспросил Кузин.

– Так спецназ меня сам с руками оторвал, – усмехнулся Макс.

– Ну, это – то да, ты ж у нас вон какой молодец, раскидал всех с утра на рукопашке. А теперь из-за тебя, мы как два дятла должны всю ночь в карауле сидеть без смены. Нужно же проявлять уважение к старшим товарищам, хоть немного поддаваться, а не лупить их как котят несмышленных.

– Сам зачем впрягся? – спросил Максим.

– Тебя, дурака пожалел, ты же их вон как разозлил, побоялся, что они из тебя отбивную сделают, будешь в лазарете лежать, а мне без тебя скучно.

– Нашел клоуна, – беззлобно отозвался Максим.

– Вот, давай, весели теперь меня рассказами, а то усну и все, накроется наш дозор, старики потом жизни не дадут.

– Ты от моих рассказов ещё быстрее засыпаешь, – привалившись к скале, произнес Макс.

– Так ты веселее рассказывай, с позитивом, а ты как драму расписываешь, – не остался в долгу Кузя. Рассказал бы, где так научился один против целой толпы драться, явно не у себя в спортзале.

Людмила Валерьевна, учитель начальных классов сделала свой второй набор. Учителем пошла работать сразу после института, опыта было маловато, но справилась, и ко второму своему набору подходила уже вполне заматеревшим педагогом, по крайней мере, она так думала.

Классная жизнь протекала мирно, до поры до времени, пока детей не стали заставлять дежурить по классу. Дежурство состояло из простых вещей: полить цветы, чисто вытереть с доски и поставить стулья на парты. И тут учитель совершила роковую ошибку, а именно: распределила детей на дежурство по списку. В списке класса последним был Ящеров, оно и понятно, Я – последняя буква в алфавите, но перед ним в этом списке была фамилия не чья-то на Ш, Ц, Ю, нет перед ним была фамилия на Ф, Фролова.

В принципе Макс решил ее игнорировать, молча помыл доску сверху, понятно, что она со своим ростом туда не достанет, полил цветы на шкафу и благополучно хотел составить стулья на первом ряду, чтобы быстрее свалить домой.

Фролова все ещё пытела у доски, как в класс ввалились четыре четвероклассника. Высокие ростом, модно одетые, с хулиганскими улыбочками на лицах. Пришли они явно не для того, чтобы помогать дежурить.

– Чё, малышня, чистоту наводите, – начал один из пацанов, – ну трите, трите, золушки.

Макс решил их игнорировать, таким только повод дай, пристанут, потом не отвяжешься, по каждой мелочи цеплять будут. Молча, продолжал составлять стулья, надеясь, что Фролова проявит благоразумие и последует его примеру, промолчит. Надеялся он зря, когда на небесах раздавали благоразумие, Фролова стояла в другой очереди.

– Золушка за принца замуж вышла, а крысы так крысами и остались, – заявила оппонентам.

– Чего? – протянул самый высокий мальчишка, – малявка, ты кого крысами обозвала? Шас мы тебе покажем крыс.

Один из мальчишек схватил мел и принялся им чиркать на доске, где Элька только что помыла.

Та такой наглости стерпеть не могла, и, размахнувшись, заехала меловой тряпкой, которой мыла доску прямо мальчишке по уху, тот развернулся, намереваясь девочку оттолкнуть.

Макс всегда отличался отменной реакцией, поэтому лихо переместился от парт к доске, задвигая Эльку себе за спину. Толчок от мальчишки был ошутимым, но сдвинуть с места Максима не смог.

– Первак, ты берега попутал? – ухмыльнулся мальчишка, – на грубость нарываешься.

– Девочек бить нельзя, – спокойно констатировал Максим.

– Борзый что ли?

– Я не борзый, я Ящеров, – все также спокойно произнес Макс.

– Ну, держись, Ящеров, – произнес, замахаясь, мальчишка.

Максим удара дожидаться не стал, поставил блок и сам нанес удар ногой в коленную чашечку. Мальчишка взвыл от боли. Друзья его думать долго не стали, и набросились на Макса. Понятно, что выстоять одному против четверых ему явно бы не удалось, но падать на пол и закрываться от ударов он бы никогда не стал, поэтому удары терпел, старался уворачиваться, чтобы не попало по лицу и сам молотил соперников, стараясь выбирать наиболее болезненные места.

Рукав рубашки был порван, кровила губа, саднили кулаки, болело ребро, но Макс старался держаться на ногах.

В классе раздался жуткий визг, и на одного из четвероклассников сзади налетел маленький рыжий ураганчик, повиснув на спине и молотя кулаками по голове.

Мальчишка такого не ожидал и тоже завопил, неудивительно, перестав его молотить, Элька вцепилась ему в волосы, вырвав клочок. Он ее сбросил со спины, и Элька кубарем скатилась на пол, закричав ещё сильнее.

Их крик услышали, потому что в класс заглянул ещё один мальчишка и закричал:

– Шухер, пацаны.

Четвероклассники сорвались и быстро выбежали из кабинета. В разгромленном классе остались только Максим, сидящий у стены, на которой висела исчирканная доска и Элька, скулящая на полу. В класс первой ворвалась учительница третьего «В» класса, они учились во вторую смену и вопли из их кабинета мешали ей вести урок. Оглядела класс, который напоминал поле после Куликовской битвы, и принялась звонить Людмиле Валерьевне.

Их отправили к директору, туда же вызвали родителей, полюбоваться на их чад. Людмила Валерьевна сокрушалась по поводу разбитых цветочных горшков и испорченной мебели.

Павел Ящеров слушать эти стенания не стал, сразу сказал, что мебель заменит. Осмотрел сына, кивнул чему-то одному ему понятному. И коротко сказал всем:

– Если это все, то сына я забираю.

– Но как же? – запричитала завуч, – ваш сын побил девочку, у нее вон ссадины на коленке.

Павел одарил тётку – завуча таким взглядом, что она сразу замолчала.

– Мой сын избить девочку не мог, запомните это хорошенько, и в следующий раз учитель пусть тщательнее составляет список дежурства, по психологической совместимости так сказать, – кивнул директору и вышел вместе с Максом из кабинета.

На крыльце остановился, похлопал себя по карманам, пытаюсь что – то отыскать.

– Пап, ты ж не куришь, – тихо произнес Макс.

– О чем очень сожалею, – вздохнул Павел, – ладно, поехали, мама сегодня дежурит, совместим приятное с полезным, проверим насколько сильные повреждения, и маме поведаем о твоих подвигах.

– Пап, – заныл Максим, – мне не так уж и больно, может, не будем маму расстраивать.

– У тебя губа разбита и костяшки разодраны, а мама у нас врач, соврать, что упал, не получится, тем более, что обманывать родителей нехорошо.

– Ладно, – опустил голову Максим.

– Хочется процитировать известный советский фильм, – поджав губы, произнесла Мария Игоревна, – сынок, драться нужно только за правое дело.

– За правое, мам, за правое.

– Ну, и сколько их было? – поворачивая его лицо за подбородок из стороны в сторону, чтобы лучше рассмотреть разбитую губу, спросила мама.

– Мам, – мотнув головой, чтобы освободиться от ее руки произнес Макс, – это не важно. Мария Игоревна красноречиво посмотрела на сына.

– Четверо, – пробурчал Макс, опуская голову.

– Герой, один против четверых.

– Почему это один, вместе с рыженькой подружкой. На ее вопли как раз и прибежала учительница из соседнего класса. К директору вызывали.

– Как там Виктор Павлович? – поинтересовалась жизнью дяди Машуня.

– Нормально, я ему мебель новую в класс обещал и просил, чтобы Макс с этой девчонкой больше ни дежурил.

– Элина как, не сильно пострадала?

– Только если морально, мать ей выпишет за острый язык. У них компенсировать материальный ущерб школе финансовой возможности нет, – развел руками Павел.

– Жалко девчонку, может позвонить ее родителям? – предложила Машуня.

– Мам, – протянул Максим, глядя на мать.

– Правда, Машунь, давай не будем в процесс чужого воспитания вмешиваться.

Эльку тогда, правда дома отчитали, родители ее конечно любили, но розовых очков не носили, зная ее вспыльчивый характер и острый язык. Доказывать, что это четвероклассники первые начали она не стала. А на Макса обиделась, конечно, ему можно классы громить, когда папа все расходы покроет.

– А твои родители тебе так сразу и поверили? – недоверчиво переспросил Кузя.

– У нас в семье правило, друг другу не врать.

– И вы его прямо всегда соблюдаете?

– Всегда, правда, иногда умалчиваем кое о чем, но это же не вранье.

– О, смена караула идёт, – оживился Кузя, – Ящер, нам сегодня фартит, поспииииим.

Глава 4

– Ящеров, подъем, – проорал зычным голосом капитан.

Макс, в очередной раз не оправдав ожидания сослуживцев, спокойно сел на постели, оценив обстановку вокруг, а затем поднялся и начал спокойно одеваться. Он, в отличие от многих контрактников служил всего пятый месяц. У них за плечами было по семь, пять, у кого-то три или два года службы. И некоторые из них по команде подъем резко вскакивали и начинали одеваться, он же садился, оценивая ситуацию, а потом вставал.

– Ящеров, тебя из равновесия вообще может что – то вывести, ты каменный что ли? – недоумевая, спрашивал капитан Матвеев.

Иногда его так называемые сослуживцы, устраивали тотализатор на то, подскочит он после команды или нет. А чем собственно в армии ещё развлекаться?

– Ставлю боевую задачу, – вещал капитан перед построившимися бойцами, – по данным воздушной разведки в квадрате двадцать один семнадцать обнаружена группа людей, численностью до пятнадцати человек. Передвигаются в сторону границы. Наша задача группу найти, выяснить причастность к преступной деятельности, задержать и обезвредить. Задача ясна?

– Так точно, – в голос ответили бойцы.

– Тогда всем приготовиться к боевому выходу, разойтись.

– О, видишь как, Ящер, тебе повезло, боевой выход. В настоящую войнушку поиграешь, – балагурил Кузя.

– Кузин, – осадил его Матвеев, – языком метешь, как баба веником. Ящеров, – обратился к Макс, – у тебя это первый, так скажем боевой выход, то, что с виду ты истукан каменный, ещё не показатель твоего спокойствия, а может даже наоборот. Поэтому я тебе приказываю в контакт с предполагаемым противником не вступать, только наблюдать.

Макс промолчал, угрюмо глядя на капитана.

– Да не пали ты меня взглядом, как трехдюймовая гаубица, к твоей боеспособности у меня вопросов нет, к выдержке вопросы.

И чуть более мягко продолжил.

– Максим, я сам такой, потому и до сих пор в капитанах хожу, коплю в себе весь негатив, аккумулирую, а потом как выплесну ни к месту. Это не есть правильно, по собственному опыту знаю. Разрядка нужна человеку. Вон, из наших кто как пар выпускает, после боевых выходов, большинство пьют, кто по бабам идет, татухи набивают, гоняют, в карты играют, правда, реже. Короче, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы окружающим вреда не нанесло. А ты, за время пребывания в армии только устав учишь и тренируешься.

– Мне психолог беседы прописал, – с усмешкой заметил Макс.

– Ну, психологи – они специалисты дипломированные, куда нам до их тонкой душевной организации, грязными берцами по помытому. Вот и беседуй с Кузиным, на расстоянии не ближе двухста метров от операции, ясно?

– Так точно.

– Товарищ капитан, – заныл Кузя, а почему я?

– А кто? Я что ли буду за периметром и Ящеровым наблюдать? – начал повышать голос командир, – нет, мы в принципе вообще вдвоем с Ящером пойти можем, и даже боевую задачу выполним, процентов на триста, так, что ошметки этих духов по всем горам собирать будете. Ящерова папа отмажет, а мне опять выговор с взысканием и понижение в звании. Так что Кузин, беседуй вон с Ящером, пока по периметру гуляете, он человек эрудированный, начитанный, глядишь, просветит тебя по многим вопросам. Ты же в школе троечником был.

– Почему сразу троечником? – обиделся Кузя.

– Потому что не знаешь столицу острова Мадагаскар.

- Чё, эт я не знаю, так и будет Мадагаскар.
- Вот я и говорю, что ты троечник, в конец группы вместе с Ящеровым, бегом.
- Какая столица там у этого Мадагаскара? – ворчал недовольно Кузин, – бегущий рядом с Максом, в хвосте группы.
- Антананариву, – коротко ответил Макс.
- Нашлись мне тоже полиглоты, – буркнул Кузин.
- Полиглоты – это те, кто языков много знают, а столицы – это по географии в школе проходят.
- Ты в школе отличником, что ли был? – задал вопрос Кузя.
- До четвертого класса, потом хорошистом, – усмехнулся Макс.
- Все, спекся, железный Феликс, – хохотнул Кузя.

Максиму учеба давалась легко, несмотря на усиленные тренировки. Наверное, сыграли свою роль гены, бабушка педагог, отец и мать люди грамотные, с высшим образованием. При чем папа о маме говорил как о более высокоинтеллектуально развитом человеке, она медицинской институт очно закончила, а там учиться нелегко и потом ещё ординатура, полжизни можно сказать училась.

Короче, дураков у них в семье, кроме дяди Лёши не водилось. Да и тот был дураком не в интеллектуальном плане, а в жизненном. Так что умность Макса была вполне оправданной. Конечно, учительница его всегда выделяла, ставила в пример, и почерк у него ровный, в тетради все аккуратно. Домашнее задание делает всегда сам, в дневнике порядок.

Мальчишки на это не реагировали, нет у пацанов к успеваемости зависти, другие приоритеты важны, кто в физическом плане лучше развит, в технике шарит. У Макса с этим был порядок, мало того, что спортсмен, так ещё и обеспечен прилично, игровые приставки и телефон не последней модели имел, поэтому пацаны с ним дружили и то, что его ставили им в пример, никого не раздражало. Другое дело девчонки. Они же все такие умницы и красавицы в беленьких колготках и гольфиках. Странный стереотип сложился в головах у людей, что если девочка, то должна учиться хорошо. Такой пережиток постсоветского прошлого.

Элька умницей не была, нет, училась она не плохо, но давались знания ей с трудом. Все приходилось учить, повторять по несколько раз, домашние задания решала на черновике, потом проверяли родители, и только после этого переписывала в тетрадь. Первые три года школы она все это терпеливо делала и заслуженно получала четыре и пять, только через свое усердие. Часто помогала подруга Полина, подсказывала, сидели они всегда вместе, иногда и уроки делали вдвоем у кого-нибудь из них дома. Приличное количество времени занимали тренировки по гимнастике, в этом виде спорта у спортсменок век короткий, чтобы тебя заметили результат надо показывать с самого начала. Везёт только единицам, сумевшим попасть в сборную хотя бы города и области, не то, что уж страны.

Кто поставил соревнования по гимнастике в конце учебного года неизвестно, у всех нормальных спортсменов они прошли зимой, а гимнастов вклепили в конце мая. Тамара Львовна лютовала, тренировки поставила каждый день, не делая перерыв даже на государственные праздники, на соревнования кто – то из министерства спорта должен был приехать, перспективных девочек посмотреть. Девчонки выкладывались на сто процентов, программу отрабатывали до такого автоматизма, что могли закрытыми глазами выполнить. Мышцы ныли, сил оставалось мало.

А годовые контрольные для них никто не отменял. Элька материал старалась повторять, ответственность понимала, все таки это четвертый класс, контрольные переводные, написать хотя бы на шаткую четверочку нужно, но сил не было совсем. Сиделась читать и засыпала на ходу. Каждую свободную минуту старалась что-нибудь повторить. Контрольные прошли, русский, математика, окружающий мир. Элька старалась, концентрировалась из всех сил, вспоминала правила. Итог оказался все равно плачевным. По всем предметам получила тройки.

Людмила Валерьевна, объявляла оценки, стоя, для большей торжественности что ли? Объявила Элькины тройки и потом на контрасте с ней пятерки Макса.

– Элочка, вот как же так, ты же девочка, – толи сокрушаясь, толи пытаясь приободрить Эльку, вещала учительница, – вот Максим, он мальчик и спортом много занимается, но посмотри, какая у него успеваемость, отличник. А ты? Ты девочка, неужели нельзя проявлять хоть чуточку больше старания?

Видимо учительница хотела как лучше, на деле же только подлила масла в огонь Элькиной неприязни.

Дома уже родители переживали ее неудачи, с такой успеваемостью ей институт ни светит, только ПТУ, будет прозябать где-нибудь на заводе простым бухгалтером за копеечную зарплату. Они хотели для нее лучшей доли.

– Ладно, – вздохнула мам, – ещё есть шанс в гимнастике, у нее неплохие результаты.

И через некоторое время с тоской в голосе:

– Почему же нашей девочке так не везёт. Вон Максим Ящеров, и семья состоятельная и в спорте успехе делает и отличник, что ж жизнь несправедливая такая?

Мать просто сетовала на жизнь и судьбу, в принципе. Такие женские стенания, характерные для всех представительниц слабого пола. А Элька, с присущей ей детской прямолинейностью вычленила для себя только то, что она неудачница и бездарь, а Максим Ящеров весь такой положительный. Расстроилась, проплакала тихо в своей комнате половину ночи. Плюс ко всему предстартовые волнения.

Итог печален, делала программу идеально, без ошибок и, знала ее на зубок, "прыжок-нырок", затем "колесо". Когда и что пошло не так, Элька не поняла, но мир завращался на колесе как – то не так, нога подвернулась, ей даже показалось, что послышался треск и все. Следующая картинка, это потолок в спорткомплексе, и она лежит на спине, на ковре, чувствуя дикую боль в лодыжке, не способная встать, сделать следующий элемент, музыка продолжает играть, а на трибунах тишина.

Потом подбежала с обеспокоенным лицом Тамара Львовна, кто – то из судей, родители, Полина и Ящеров. Максим Ящеров сумел пробиться через всю толчею взрослых и стоял рядом, глядя, как беспомощно голубые глаза глядят в потолок и из них катятся крупные, как чистая роса слезинки.

У Макса скрутило внутренности в узел, врач трогал ее ногу, вертел, делал ей наверное больно, потому что слезы катились интенсивнее, но Элька продолжала молчать. Макс хотел надавать врачу по рукам и вообще растолкать всех, чего бесцельно столпились, ее же в больницу надо, у него мама врач – хирург, она поможет. Макс хотел об этом заявить, но Элькин отец взял ее на руки и понес за медиком в какой – то кабинет.

Макс плелся следом, туда же шла Элькина подруга Полина. Пока ждали скорую, родители пошли собирать вещи Эльки, доктор отправился встречать бригаду, Тамара Львовна отправилась смотреть выступления остальных девчонок, а Элька осталась в медкабинете вдвоем с Полиной.

Девчонки сидели на кушетке, крепко обнявшись. Из глаз Эльки продолжали катиться слезы, а Полина ее успокаивала.

– Это все Ящеров виноват, припёрся на соревнования смотреть и сглазил, точно меня сглазил, – причитала Элька между всхлипами.

– Эль, – успокаивала ее Полина, – не говори глупости, – Макс часто на соревнования ходил, это просто стечение обстоятельств, – произнесла мудро.

– Обстоятельства, – всхлипнула Элька, – ну почему они так складываются, что ему все, и отличник он, и в спорте успехи, а я такая неудачница. Сил слушать нет, Максим то, Максим се, противно. Сил терпеть нет, ненавижу, – произнесла так жалобно.

Макс стоял за дверями и смотрел в приоткрытую дверь, Элька была такой маленькой и несчастной, сердце сжималось от жалости. Он бы зашёл, пожалел ее, прижал сильно, чтобы отдать часть своих внутренних сил. Мама так всегда делала, когда они болели с сестрой, Макс знал наверняка, от крепких объятий становится легче, боль отступает. Но зная Элькин характер и услышав ее слова, заходить не стал. Он и не думал, что она чувствует себя неудачницей на фоне него. Да и глупость все это, никакая она не неудачница, у неудачниц таких красивых глаз не бывает.

– Максим, ты чего здесь стоишь? – спросила мама Эли.

Макс замялся на минутку, но не спасовал.

– Вот, хотел узнать, как нога у Эли.

– Зайдешь?

– Нет, я лучше пойду, – повернулся и пошел на выход.

У Эльки был разрыв связок. Наложили гипс на две недели. Учебный год закончился, но Макс позвонил Полине и узнал всю нужную ему информацию про Эльку, включая ее адрес.

Поднялся на шестой этаж в типовой девятиэтажке и позвонил в звонок. Мать Эльки вернулась с работы, он видел. Специально сидел на детской площадке и ждал.

Дверь открыла Ксения Сергеевна.

– Здравствуй, Максим, ты к Эле? – спросила удивлённо.

Максим протянул ей тюбик с кремом.

– Ксения Сергеевна, я мазь принес, она очень хорошо помогает от ушибов, растяжений, два раза в день мазать надо. Возьмите, пожалуйста.

– Спасибо, она дорогая наверное, – произнесла Ксения Сергеевна, глядя на иностранные надписи, – может, давай я тебе деньги отдам?

– Не надо, пусть Эля поправляется и это, вы не говорите, что это я принес, ладно?

Развернулся и понёсся вниз по лестнице.

Ксения Сергеевна удивлённо посмотрела ему вслед.

– Ладно, не скажу, – пожала плечами.

В пятом классе Максим перестал быть отличником, до троек, конечно, не скатился, но иногда делал ошибки, которые мог бы и ни делать. Спортивными успехами тоже старался не хвастаться.

По-прежнему сидел на задней парте, сверля настойчивым взглядом спину Эльки.

Глава 5

– Как сам? – произнес Самвел Алоян, полковник ФСБ и лучший друг Павла Ящерова.
– Нормально все у меня, – слегка улыбнулся Макс, – отец просил?
– Даже если бы не просил, я бы все равно приехал, гостей, которых вы взяли забрать. Так что считай, что я тут по работе.

– Ясно.

– Тебя капитан хвалил.

– Ну, за периметром наблюдать, это уметь надо, – хмыкнул Максим.

– Дело ни в этом, ты в армии как говорится без году неделю, а в группе к тебе уважением прониклись, это дорогого стоит. У вас группа маленькая, специфическая, а в жизни, не каждому знаешь ли можно доверить спину прикрывать.

Посидели несколько минут молча.

– Говори уже, дядя Самвел.

– Я тебе книги привез, чтобы ты читал, отец тебя в наш институт перевел на заочку, на сессию отпускают.

– Нет, – коротко сказал Максим.

– Макс, – начал Самвел.

– Дядь Самвел, – перебил его Макс, – я итак тут как папенькин сынок. Мне поблажек не надо, сам все сделаю.

– Да что ты заладил, сам, сам, – вскочил с лавочки Самвел, раздражаясь, – ты у него один сын и Пашка впахивал всю жизнь для того, чтобы у вас будущее достойное было. А ты уперся.

– Не могу я, – сглатывая подступившую горечь произнес Максим, – не могу про институт даже думать пока.

– Макс, мы не знаем, что у вас там произошло. Раз ты предпочел столице нашей родины вот это вот распрекрасное уединение в горах, то понимаем, что что-то не очень приятное, но ты же юристом с седьмого класса стать хотел. Ты же это общество и историю назубок знаешь. Да ты уголовный кодекс не хуже профессора преподашь, не удивлюсь, что вместо Пушкина можешь конституцию наизусть декларировать. Неужели столько сил на изучение этого всего было напрасным?

– Напрасным, – горько усмехнулся Макс.

Отец для Макса всегда был примером для подражания. Маму любил, их с сестрой. Работал для их благополучия. Спортом занимался. Максим хотел быть таким же. Для себя решил, что пойдет на юридический факультет. Семья одобрила. Историю и общество учил усиленно, по этим предметам других оценок, кроме пятёрок не получал. С учебкой у него было вообще все тип топ.

В другом, начались проблемы. То, что он в физическом плане был развит лучше своих сверстников – это понятно. Но постепенно начался сложный период, так называемый переходный возраст. Половое созревание началось не только у него, весь класс превратился из девочек и мальчишек в девушек и юношей.

Элька ростом сильно не вытянулась, а вот оформляться в нужных местах постепенно начала. К концу восьмого класса, когда исполнилось пятнадцать лет, имела развитую грудь и поскольку до сих пор занималась гимнастикой, упругую, подтянутую попу. Макса ломало изнутри. Руки просто горели от желания ее за эту попу потрогать, прикоснуться. Он этого желания боялся.

Но взглядом ее прожигал. Выучил каждый изгиб на теле, каждый завиток, родинку. Не зная, как унять жар в груди, он садился и штудировал уроки. Историю, обществознание, иностранные языки. Учебники по этим предметам прочитал вплоть до одиннадцатого класса.

Начал учить конституцию, политическую карту мира. Что угодно, лишь бы не думать, не думать, не думать. Не представлять ее в обтягивающем гимнастическом костюмчике, лосинах и топике. На их соревнования по гимнастике он ходить не мог, там они вообще в купальниках выступали, а ему итак уснуть было трудно, все время во сне снилась рыжая ведьма. От таких снов он просыпался с эрекцией, такой, что ломило все тело. Разрядка помогала, до тех пор, пока он не шел в школу, и не видел ее. Макс старался держаться от Эльки подальше, физического контакта вообще старался избегать.

На итоговой лабораторной по химии в конце года учитель разделила их по парам. Чтобы не морочиться, кто с кем будет делать, делила по списку. Им нужно было сидеть бок о бок два урока рядом и выполнять опыты с реактивами. Макс с Элькой оказались в одной паре. Правильно, фамилии-то по-прежнему стояли рядом, с начальной школы список не изменился.

Элька нехотя села к Максиму за парту. Помня их детскую неприязнь и редкие стычки, от Ящерова ожидать можно было чего угодно.

А Макс не смог, продержался только двадцать минут, на большее его не хватило. Вдыхать ее запах было тяжело, но когда она наклонилась, локон волос упал рядом с пробиркой, в которой был реактив, чтобы волосы не повредить Макс убрал прядь за ухо. Его от этого прикосновения током ударило. Кровь вся мгновенно прилила не туда, куда надо. Макс сжал кулаки, резко отодвинул свой стул, встал и вышел из класса.

Учительница, до этого сидевшая уткнувшись в книгу, резко подняла взгляд на Эльку:

– Фролова, это что за выпады? – спросила строго, – что вы там с Ящеровым не поделили? Имей в виду, оценка делится на двоих. Если он не вернется, и вы не сделаете работу, неуд получите оба.

Дослушивать Элька не стала, химичка своей принципиальностью была известна всем. Элька вскочила из-за парты и вылетела в коридор, как пробка из шампанского. Широкою спину Макса увидела в конце коридора у туалета. Она не думала ни секунды. Резко понеслась в ту сторону. Залетела в мужскую уборную, хлопая дверью так, что со стены отлетела штукатурка.

Макс, который стоял у раковины и умывал лицо холодной водой, поднял взгляд и встретился с ней глазами в зеркале.

Элька от его взгляда слегка поежилась и прижалась к дверному полотну, но отступить некуда. Без него ей итоговую работу не сдать.

– Вернись в класс, – сказала твердо.

– Нет, – послышался не менее твердый ответ.

– Без тебя мне не засчитают работу, – попыталась объяснить свою позицию Элька.

Макс, стоя по-прежнему у раковины, крепко сжал ее края, повернул голову к Эльке, окинул ее взглядом, от растрепавшихся от быстрого бега волос, до стройных ножек, чувствуя, что выдержка его снова подводит. Отвернулся и жестко отчеканил:

– Нет.

Открутил кран сильнее и подставил голову и шею под струю уже не просто холодной, ледяной воды.

Элька, забывшая про то, что ещё пару минут назад его опасалась, взвилась на месте. В пару шагов приблизилась к Максиму и, надавив ладонями на шею, наклонила его голову сильнее, так, что вода полилась ему за шиворот рубашки. Сил у нее было не так много, сработал эффект неожиданности. Но через пару секунд Макс пришёл в себя и уже купал в холодной воде саму Эльку, наклоняя ее к раковине за плечи. Элька тоже дурой не была и подставила под кран ладошку, перекрывая поток воды и направляя резкую струю в грудь Макса. Терпеть он этого не стал и завел обе ее руки ей за спину, все таки окуная ее под струю воды. Истощенный визг Фроловой разнёсся по всему коридору. Шевелюра намочла, блузка тоже. Она попыталась вырваться из рук Макса. Тот, незамутненной долей разума осознавая, что вода очень холодная все же перекрыл кран и отпустил Элькины руки. Она тут же набросилась на него с кулаками.

Молотила по груди, пинала его ногами по ногам. Макс резко пришил ее спиной к стене, нависая сверху так, что у девушки с трудом получалось сделать вдох.

Макс тоже дышал надсадно, как марафонец, после забега. Расставил ладони по обе стороны от ее лица, а Элька вцепилась мертвой хваткой в подвергнутые до локтей рукава его белой рубашки. Дыхание никак не приходило в норму, два взгляда: небесно-голубой и карий схлестнулись в диком противостоянии.

– Фролова, Ящеров, вы ополоумели оба что ли? – раздался от дверей голос химички, – вы тут что учинили?

Химичка стояла не одна, рядом толпились их одноклассники, физичка и математичка.

– К директору, за мной, оба, – резко скомандовала химичка, – остальные марш в класс.

– Макс, что за ерунда происходит? Я понимаю, что возраст, гормоны шалют, но не на уроке же зажимать девочку в мужском туалете, – вещала вечером дома мама.

Так совпало, что сегодня смены у нее не было и поэтому ограничится только беседой с отцом, не получилось.

– Ты же будущий мужчина и должен понимать, что туалет – это точно не то место, которое должно у девушек ассоциироваться с интимными отношениями.

Макс, сидевший в кресле, опустив голову, после этой тирады ее поднял, чтобы взглянуть на мать. Нет, родители у него конечно мировые, но он ожидал беседы в совершенно другом русле.

– Не надо так на меня смотреть, я тебе это сейчас не только как врач, квалифицированный между прочим, но и как женщина говорю.

– Машунь, ты ж вроде хирург, а не гинеколог, – вставил пять копеек отец.

Мария Игоревна прожгла его таким взглядом, что дальше он решил свою мысль не развивать.

– А ты, как юрист мог бы и тоже просветить ребенка об ответственности за половые отношения с несовершеннолетними девочками. А как отец о методах контрацепции рассказать.

– Ты ещё его в публичный дом предложи на экскурсию сводить.

– Ящеров, – сузила глаза Мария Игоревна, – откуда ты знаешь, где у нас в городе есть публичные дома? Захаживаешь?

– Машунь, ты думай, что говоришь – то, да ещё при ребенке.

– Не уходи от темы, был в борделе? – строго спрашивала Мария Игоревна.

– Мам, пап, мы тут собрались со мной воспитательную беседу провести, а не разжигать семейные междоусобицы, – напомнил Макс.

– С тобой уже все решили, – подытожил отец, – главная мысль, которую ты должен понять, что портить приличных девочек нехорошо. Всегда есть более доступные способы утолить свой плотский голод. А на чистых девушках, у которых была до тебя незапятнанная репутация надо сразу жениться и чтоб по любви и один раз на всю жизнь, а иначе это паскудство. Ну и не забывай про уголовную ответственность, если уж совсем терпения нет, выбирай стажисток. Вроде все, – на несколько секунд отец задумался, и продолжил, – и про контрацепцию не забывай. Анализы сдавать у матери строго раз в полгода. Ясно?

– Ясно, – улыбнулся уголком рта Макс.

– Свободен, отпустил отец.

Макс по лестнице отправился в свою комнату.

– Ящеров, – спокойно произнесла Мария Игоревна, – ты помнишь, что я хирург?

– Пока провалами в памяти не страдаю.

– Узнаю, что ты в районе двух километров от борделя был замечен, кастрирую, профессионально. Ясно?

– Ясно, – сглотнул Павел.

– Тогда свободен.

Лето Макс провел частично на спортивных сборах, а частично в гостях у маминых родителей, бабушки и дедушки.

Август, переключка, девятый класс. Опять рыжая бестия, за лето загоревшая и чуть вытянувшаяся в рост, с собранными в хвост волосами и голубыми глазами.

Чуть не сорвался, хотелось схватить и сжать до хруста косточек. Дослушивать учителя не стал, отправился домой. Желая унять жар в груди, помещался немного по дому и направился к отцовскому бару. Плеснул себе коньяка, но выпить не успел.

– Обмываешь начало нового учебного года? – раздался от дверей гостинной мужской голос.

Макс обернулся со стаканом в руке, на лицо напозла улыбка.

– Привет, дед.

Отставил стакан на полку и отправился навстречу к деду, широко расставив руки. Ростом они с дедом были одного.

– Вырос, чертяка, – крепко сжимая его в объятиях сказал дед, – мужик настоящий, – довольно похлопал по спине. Чего за стакан схватился, проблемы какие.

С дедом у Макса были особые отношения, да и дед у них вообще был особенный. Поэтому Макс сам не заметил, как вывалил ему все, что долгое время колобродило внутри.

Дед его проблему решил по – своему.

– Это бойцовский клуб, хороший, обижать тут не будут. Но бои, как ты понимаешь, полуполегалы. Если попадешься, я тебя, конечно, отмажу, но пятно на папкиной репутации будет, – ухмыльнулся дед, – авторитет завоёвывал сам. Здесь все по – взрослому, да и ты уже не мальчик. Взрослей.

Так Максим научился сбрасывать лишнюю энергию, не только физическую, но и сексуальную, девчонки в клубе водились, а на победителей так вообще гроздьями вешались. А Ящеров не проигрывал, не та порода.

Глава 6

– Привет сын, – прозвучал до боли родной голос в трубке.

На несколько секунд сердце сжалось, но потом забилось в привычном ритме. Сглотнул, чтобы восстановить душевное равновесие и ответил ровным голосом.

– Привет, мам.

– Как ты? – поинтересовалась мама.

– Все нормально.

На другом конце телефона послышался горький смешок.

– Даже если все плохо, все равно ведь не скажешь, – произнесла и тяжело вздохнула, – Максим, ты знаешь, что я тебя всегда поддерживаю, какое бы решение ты не принял, но сейчас ты не прав.

Максим сильнее сжал кулаки, на скулах заходили желваки.

– Отец науськал, – произнес жестко.

– То есть ты считаешь, что собственного мнения я иметь не могу, как и взглядов на жизнь.

Нормальное у тебя представление о собственной матери.

– Прости, мам, погорячился, – пристыженно произнес Максим.

– Хорошо, хоть это признаешь. Макс, твой отец часто давит своей заботой и гиперопекой, я это знаю как никто другой, но в этом случае мы с дедом с ним солидарны. Тебе нужно окончить институт.

– И дед? – с усмешкой произнес Максим.

– И дед, – подтвердила Мария Игоревна, – ты знаешь, что высшее образование для него много значит, и ты много значишь. Мы все тебя любим, мы твоя семья. Если не ради своего будущего, то хотя бы ради нас ты можешь это сделать, но не великая же жертва?

– Мам, это запрещённый прием, – укоризненно произнес Максим.

В трубке воцарилось молчание. Такое красноречивое, этим искусством Мария Игоревна владела на высшем уровне. Если замолчала, значит все, ты виноват и прощения вымаливать будешь долго. Отец все годы их совместной жизни этого молчания боялся, поэтому если мама была на их стороне, Макс с Кристиной могли быть уверены, что отец долго сопротивляться не будет и дело у них выгорит. Даже если ввязывались в дикую авантюру.

Мышцы болели, причем казалось, что болит каждая по отдельности, а это еще хуже, чем когда ты ощущаешь тело как единый организм. Макс чувствовал каждую свою мышцу, и они болели, даже если он не двигался. Лежа в своей комнате и, глядя в потолок, он задумался о том, что если спросить у мамы про названия всех мышц, которые у него болят, она наверняка расскажет, долго, обстоятельно. Может такой рассказ помог бы уснуть.

Дверь в комнату открылась, и в нее бесшумно проскользнула невысокая женская фигура.

Легка на помине, – подумал про себя Макс. Подняться и посмотреть на мать сил не было. Может спящим прикинуться, глядишь, прокатит, и обойдётся без допроса, мелькнула ещё одна мыслишка.

– Спящим можешь даже не прикидываться, – разгадала его задумку мать, – у тебя фантазия хорошая, поэтому засыпаешь ты не сразу, а пришёл всего десять минут назад, так что распахивай глазоньки и фокусируй на мне взгляд.

Возле кровати загорелась настольная лампа. Макс распахнул глаза, устремив ясный взгляд на мать.

– Трезвый, – выдохнула она с какой-то досадой.

– Лучше бы был пьяный, – усмехнулся Макс уголком рта, стараясь сильно не растягивать губы.

– Может и лучше, – рассуждала сама с собой Мария Игоревна, – ты же с дедом был, а с ним тебя могло куда угодно занести, от кабака до бандитской стрелки. Так что я уж и не знаю, что предпочтительнее.

Вздыхнула и присела на краешек кровати, задев бедром Макса. От этого прикосновения ему хотелось застонать в голос, но он сдержался, только едва заметно поморщившись. Однако, Марии Игоревне и этой гримасы хватило. Окинула его опытным взглядом и тут же без спроса начала руками обследовать его тело, нажимая на самые болевые точки. Долго сдерживаться он не смог, застонал в голос. Прощупав все части тела, задрал ему футболку, Мария Игоревна скомандовала:

– На живот переворачивайся.

Макс только хотел возмутиться, как мать более строго скомандовала:

– Живо.

Пришлось подчиниться. Кряхтя как девятилетний дед, он неловко перевернулся на живот. Мать так же профессионально осмотрела его сзади и вынесла вердикт:

– Переломов нет, внутренние органы тоже вроде в порядке. С мышцами только проблема, перегрузил, надо пить больше жидкости, мазать мазью и можно выпить нестероидный противовоспалительный препарат. Это я тебе как врач говорю, – и резко без всякого перехода надавила на какую-то мышцу, так что Макс застонал, задала вопрос, – быстро говори мне, где ты был?

Папа всегда говорил, что у мамы где-то в родословной завалялись немецкие корни, иначе откуда такая способность к пыткам. Боль была нестерпимая. Даже если бы и смог сейчас пошевелиться, проводить контрприем против собственной матери он бы никогда не стал, поэтому предпочел менее болезненный в данной ситуации вариант, начал говорить:

– В бойцовском клубе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.